

ЯЗЫК ШИПОВ

ПОЛУНОЧНЫЕ СКАЗКИ
И ТЕМНОЕ ВОЛШЕБСТВО

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 NEW YORK TIMES

ЛИ БАРДУГО

Ли Бардуго

Язык шипов

Серия «Миры Ли Бардуго. Grishaverse»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42369191

Язык шипов. Полночные сказки и темное волшебство. [повести]: АСТ;

Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112359-8

Аннотация

Сказания о прекрасных русалках и рыжебородых големах, монстрах и принцессах, зачарованных городах и наводящих ужас лесах. Коллекция завораживающих историй с великолепными цветными иллюстрациями — для всех любителей вселенной гришей и темного фэнтези.

Содержание

Айяма и терновый лес	5
Лис-умник	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ли Бардуго
Язык шипов. Полночные
сказки и темное
волшебство. [повести]

© 2017 Leigh Bardugo

© 2017 by Leigh Bardugo. Used with permission. All rights reserved

© Н. Сечкина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

*** * ***

*Посвящается Джеминне – малышке, наделенной
силой*

Айяма и терновый лес

В ТОТ ГОД ЛЕТО НИКАК НЕ ХОТЕЛО УХОДИТЬ. Жара придавила долину тяжестью обмякшего трупa. Безжалостное солнце испепеляло высокие травы, животные замертвопадали в выжженных полях. В тот год радовались только мухи, а королеве западных земель он принес беду.

Все знают историю, как королева стала королевой – как, несмотря на лохмотья и низкое происхождение, пленила юного принца своей красотой и оказалась во дворце, где ее одели в шелка и вплели в волосы нити с драгоценными камнями; как всем велели преклонить колени перед той, что вчера ходила в прислугах.

В те времена принц еще не взошел на трон, был отчаян, безрассуден и дерзок и каждый день отправлялся охотиться верхом на рыжем коне, которого объездил сам. Вместо того, чтобы заключить брак, выгодный для королевства, он назло отцу выбрал в жены простолюдинку. Королева-мать давно умерла, а в одобрении придворного Совета принц не нуждался.

Народ его выходка позабавила, красавица-невеста всем пришлась по нраву, так что поначалу у молодоженов все шло хорошо. Жена подарила принцу круглощечного первенца; младенец весело агукал в колыбельке, и всеобщая любовь к новой принцессе росла день ото дня.

Незадолго до того страшного лета старый король умер. Бесшабашного наследника престола короновали, королева понесла во второй раз, а дожди по всей стране прекратились. Река пересохла, обнажив каменистую полосу дна, колодцы наполнились песком и пылью. Каждый день королева, тяжело неся большой живот, поднималась на стену замка и молилась о том, чтобы ребенок вырос мудрым, сильным и красивым, а паче всего – о том, чтобы спасительный ветер охладил ее кожу и облегчил страдания.

В ночь, когда родился второй королевский отпрыск, в небе взошла полная луна – темная, как старый струп. Вокруг дворца собрались койоты – они выли, царапали когтями стены, а стражника, посланного их отогнать, разорвали на части. Возбужденный лай койотов заглушил вопли ужаса королевы, узревшей существо, что с пронзительным криком вышло из ее чрева. Новорожденный принц более походил на волчонка, нежели на мальчика: все его тельце от макушки до когтистых ступней было покрыто гладкой черной шерстью, глаза были красные, точно кровь, на голове виднелись два бугорка – зачатки рогов.

Король не хотел прослыть первым в стране сыноубийцей, однако держать это жуткое создание во дворце было нельзя. И вот он созвал всех самых толковых министров и инженеров и велел выстроить позади дворца огромный лабиринт. Сооружение тянулось на несколько миль, до самой рыночной площади, закручиваясь спиралью из многих и многих вит-

ков. На возведение лабиринта ушли годы, и половина рабочих, занятых на строительстве, бесследно сгинула в его стенах. Когда все было готово, король вошел в детскую, отпер клетку, где держал младшего сына, и отнес в лабиринт, дабы чудовище более не доставляло хлопот своей матери и всему королевству.

* * *

Тем же летом, когда королева родила монстра, на свет появился еще один младенец. Кима была из бедной крестьянской семьи. Урожая с клочка земли, который обрабатывали ее родители, едва хватало на пропитание. С первым своим вздохом новорожденная не закричала, но звонко запела, и в то же мгновение небеса разверзлись и на землю хлынул дождь, положивший конец долгой засухе.

В тот день природа воскресла. Говорили, что там, где ступала нога Кимы, тотчас начинало пахнуть молодой зеленью. Девушка была высокой и гибкой, словно молодая липа, и двигалась с такой грацией и легкостью, что становилось почти страшно – а ну как эту пушинку сдует ветром?

Шелковая кожа Кимы светилась изнутри мягким медовым сиянием – точь-в-точь как горы в нежный час перед закатом; водопад густых черных кудрей, которые она не закалывала, обрамлял лицо, как распустившиеся цветы.

Жители города были уверены, что такая дочка – истин-

ное благословение для родителей, ведь ей наверняка суждено выйти замуж за богача, может быть даже за самого принца, и обеспечить отцу с матерью безбедную старость. Однако всего год спустя боги послали семье вторую дочь и сделали это будто в насмешку: по мере того, как девочка росла, становилось ясно, что она напрочь лишена тех достоинств, каковыми в избытке обладала Кима. Айяма была неуклюжей и криворукой, ходила вперевалку, а ее плотная приземистая фигура напоминала пивную кружку. Если голос Кимы был певучим и умиротворяющим, как тихий дождик, то от резких скрипучих звуков, что издавала Айяма, сводило зубы и хотелось бежать прочь. Родители стеснялись младшей дочери и велели ей поменьше разговаривать. Ее держали в четырех стенах, заставляли делать всю домашнюю работу и отпускали пройти только до реки и обратно – и то лишь для того, чтобы перестирать белье.

Оберегая покой Кимы, родители приказали Айяме спать подле очага на кухне, бросив на теплые каменные плиты соломенный тюфяк. От спанья на такой постели волосы девушки скоро разлохматились, кожа пропиталась золой, смуглое лицо сделалось пепельно-серым. Робко, боясь оскорбить остальных своим видом, она прошмыгивала из одной тени в другую. Мало-помалу люди и вовсе забыли, что в семье растут две дочери, и стали считать Айяму обычной служанкой.

Кима не раз пыталась заговорить с сестрой, но стоило ей

приблизиться к Айяме, как родители, прочившие старшую дочку в жены богачу, тут же звали ее обратно – дескать, нужно торопиться в школу или на урок танцев. Днями напролет Айяма молча трудилась на кухне, а поздним вечером пробиралась к кровати Кимы, брала сестру за руку и слушала сказки, которые рассказывала бабушка. Голос дряхлой Ма Зиль убаюкивал, однако, едва догорали свечи, как старуха расталкивала бедняжку Айяму своей клюкой и отправляла назад к очагу, покуда мать с отцом не прознали, что она тревожит сон сестры.

Шли годы. Айямагнула спину на кухне, Кима расцветала все краше, королева растила старшего сына в замке на высоком утесе и на ночь затыкала ему уши комочками шерсти, чтобы он не слышал жалобный вой младшего, доносившийся снизу. Король пошел войной на восточных соседей, но потерпел поражение. Как обычно, люди роптали, когда правитель вводил новые налоги или забирал их сыновей в армию, жаловались на погоду, ждали дождей.

И вот одним ясным утром горожан разбудил раскат грома. В небе не было ни облачка, и все же от грохота с крыш посыпалась черепица, а ковылявший по дороге старик отлетел в канаву, где ему пришлось пролежать два часа, пока сыновья его не вытащили. К этому времени все уже знали, что причиной грома была не гроза. Чудовище вырвалось из лабиринта и своим ревом сотрясло городские стены и окрестные горы.

Люди тотчас перестали ворчать по поводу налогов, плохого урожая и войны. Теперь их страшил монстр, который может ворваться в дом и всех сожрать. Они запирали двери на засовы и точили ножи, не выпускали детей на улицу и жгли свечи до самого утра.

Так или иначе, но жить в непрерывном страхе невозможно. Шли дни, чудовище не объявлялось, и народ начал подумывать, что зверь избрал для своей жестокой охоты другую местность. А потом Болан Беди отправился в долину осмотреть стада на выпасе и обнаружил, что скотина перерезана, а трава в западных полях залита кровью. Как выяснилось, пострадал не он один. Молва о бойне ширилась; отец Айямы, тоже отправившийся проверить свое стадо, возвратился с леденящим душу рассказом о новорожденных телятах, у которых были оторваны головы, и вскрытых от шеи до паха овцах, чья белоснежная шерсть сделалась бурой от крови. Только монстр мог натворить столько бед за одну ночь.

Жители западной долины не считали своего правителя героем: ну, а что – войну проиграл, жена-простушка, да и до земных благ большой охотник. Теперь же они переполнились гордостью: монарх поклялся защитить свой народ и разделаться со своим диким отпрыском раз и навсегда. Король собрал большой охотничий отряд и направился в степь, где, как предполагали министры, находилось логово зверя, а для сопровождения взял дворцовую гвардию. Взбивая дорожную пыль, сотня солдат маршировала по главному трак-

ту. Впереди шагал капитан в сияющих латных рукавицах из бронзы. Через кухонное окошко Айяма видела, как они проходили, и восхищалась их мужеством.

Наутро, когда горожане пришли на рыночную площадь, чтобы вести торговлю, их взорам предстало кошмарное зрелище: в самом центре площади, у колодца, в высокую кучу – точно плавник, собранный на берегу, – были сложены кости сотни солдат. Поблескивая на солнце, башню из костей венчали латные рукавицы капитана.

Пришедшие утирали слезы и тряслись от ужаса. Надо придумать, как защитить людей и скотину! Если монстра нельзя уничтожить, пускай король найдет способ задобрить своего младшего сына.

Король приказал самому умному министру ехать в степь и там заключить с чудовищем перемирие. Министр подчинился приказу, сказал, что пойдет собираться в дорогу, и... задал стрекача, навсегда покинув город. Других храбров-переговорщиков не нашлось. В отчаянии король предложил три сундука золота и тридцать рулонов шелка тому, кто выступит его посланником. Вечером в домах жителей велось много разговоров.

– Надо уезжать отсюда, – сказал отец Айямы, когда семья собралась за ужином. – Видели эту грудку костей? Если король не умилюстит чудовище, оно непременно явится за нами.

– Да, – согласилась мать Айямы. – Двинемся на восток

и выстроим новый дом на побережье.

Ма Зиль сидела на своей скамеечке и жевала сушеные цветки юрды. Старой женщине не хотелось отправляться в дальний путь.

– Пошлите к зверю Айяму, – сказала она и плюнула в огонь.

Повисла долгая тишина, нарушало которую лишь потрескивание пламени. Несмотря на жар очага, Айяму, прокалившую на сковороде пшено, бросило в озноб.

Мать Айямы будто вспомнила, что долг обязывает ее воспротивиться, и промолвила:

– Нет, нет. Как бы тяжело ни было с Айямой, она моя дочь. Лучше переберемся на восток.

– Да вы только поглядите на ее грязное платье и спутанные косы, – вмешался отец. – Разве такая годится в королевские посланницы? Чудовище пузо надорвет от смеха и немедля прогонит ее прочь.

Айяма не знала, способны ли монстры смеяться, но обдумать эту мысль не успела: Ма Зиль опять плюнула в огонь и сказала:

– Чудовище – это дикий зверь, что ему до пышных нарядов или смазливой мордашки! Айяма выступит как посланница короля, мы разбогатеет, и Кима сможет найти себе партию получше, чтобы нам хватило денег на всю жизнь.

– А если монстр ее сожрет? – со слезами на прекрасных глазах спросила добрая Кима.

Айяма благодарно посмотрела на сестру. Она и сама отчаянно хотела возразить против бабушкиного плана, но родители так долго приучали ее молчать, что слова давались девушке с большим трудом.

Ма Зиль небрежно отмахнулась.

— Тогда мы поплачем над ее костями, зато денежки останутся при нас.

Отец с матерью молчали, стараясь не смотреть на Айяму. Им уже грезились огромные сундуки с королевским золотом.

Всю ночь Айяма ворочалась на жестком полу у очага, не смыкая глаз. Старая Ма Зиль подошла к ней и коснулась щеки мозолистой рукой.

— Не бойся, — сказала она. — Тебе страшно, знаю, но прикинь-ка вот что: когда король тебя вознаградит, ты наймешь собственных слуг. Больше никогда не будешь тереть полы и отскребать пригоревшее рагу, станешь носить лазоревые шелка, лакомиться белыми персиками и спать в мягкой кровати.

Видя, что Айяма по-прежнему испуганно морщит лоб, старуха молвила:

— Ну-ну, внучка, сама знаешь, как оно бывает в сказках. Чудеса случаются только с хорошенькими девушками, а ты к закату уже вернешься домой.

Эти слова утешили Айяму. Под звуки колыбельной, которую запела Ма Зиль, она уснула и громко захрапела, ведь во

сне никто не заставлял ее приглушать голос.

* * *

Отец Айямы известил короля, что готов отправить младшую дочь на переговоры с чудовищем. Многие с большим недоверием отнеслись к тому, что такая дурнушка может справиться с заданием, однако же, согласно королевскому указу, от добровольца не требовалось ничего, кроме храбрости. И вот Айяме как королевской посланнице приказали отыскать в степи монстра и выслушать его требования.

Волосы Айямы смазали душистым маслом, косы заплели наново. Девушку нарядили в одно из платьев Кимы. Правда, оно было ей мало во всех местах, а подол пришлось подшить, чтобы не волочился по земле. Ма Зиль повязала на пояс внучке небесно-голубой передник и водрузила ей на голову широкополую шляпу, украшенную венком из алых маков. Айяма сунула в карман передника небольшой топорик, которым рубила хворост, сухую дорожную лепешку и медную чашку – на случай, если посчастливится найти воду.

Горожане всплескивали руками, смахивали слезы и восхищались мужеством родителей Айямы, а также превозносили внешность Кимы, ведь та даже с заплаканным личиком оставалась красавицей. Поохав, народ разошелся, и Айяма в одиночестве двинулась в путь.

Надо заметить, на душе у нее было невесело. А как иначе,

ведь родные отправили ее на верную смерть в надежде получить кучку золота и получше пристроить старшую сестру! И все же она любила Киму, которая тайком от отца с матерью положила ей в карман медовые соты и к тому же успела научить самым модным танцам, которые знала сама. Айяма всем сердцем желала, чтобы сестричка получила все, о чем только мечтает.

Вдобавок стоит сказать, что разлука с домом не так уж ее и тяготила. Теперь кому-то другому придется таскать к реке корзину с бельем, драить полы, готовить ужин, кормить цыплят, штопать одежду и отскребать от стенок горшка остатки вчерашнего рагу.

«Что ж, – думала Айяма, привыкшая хранить молчание даже наедине с собой, – по крайней мере, сегодня я свободна от работы и, может быть, перед смертью успею повидать что-то новое». И хотя солнце нещадно палило ей в спину, уже одна эта мысль заставляла ее шагать бодрее.

Впрочем, радостный настрой Айямы быстро угас. На многие мили вокруг в степи не было ничего, кроме выгоревшей травы и чахлого кустарника. Не жужжали насекомые, ни одно растение не отбрасывало прохладной тени. Тесное платье Айямы промокло от пота, отяжелевшие ноги горели, как будто она ступала по раскаленным кирпичам. Наткнувшись на выбеленный солнцем скелет лошади, девушка вздрогнула, но уже через час начала крутить головой по сторонам в надежде снова увидеть гладкий череп или реберную клетку, по-

хожую на недоплетенную корзину. Такие находки хоть как-то разбавляли монотонный пейзаж и служили признаком, что в этой голой местности все же обитали – пусть и недолго – живые существа.

«Может статься, – размышляла Айяма, – я просто упаду замертво прежде, чем доберусь до зверя, даже испугаться не успею».

Тем не менее, в конце концов на горизонте показалась темная полоска. Подойдя ближе, Айяма сообразила, что перед ней густой лес. Деревья в нем росли высокие, с серой корой; ветви, сплошь покрытые колючими шипами, так плотно переплетались, что за ними невозможно было что-либо разглядеть. Вот где скрывается младший королевич, поняла Айяма.

Девушка заколебалась. Кто знает, что ждет ее в терновой чаще? Может, ей и жить-то осталось считанные минуты. «Тут хотя бы тенок, – сказала она себе. – И потом, чем лес хуже огорода, заросшего колючими сорняками? Эта чащоба наверняка не таит ничего особенного. Может, разок-другой всплакну, если уколую, да и только. Что там говорила бабушка?» Айяма, как мысленным щитом, вооружилась обещанием Ма Зиль, напомнила себе, что не рождена для чудесных приключений, и нырнула в просвет между зарослями, досадливо ойкнув, когда острые шипы оцарапали ей руки.

На ватных ногах Айяма пробиралась через дебри все глубже и глубже, пока не очутилась в полной темноте. Сердце ко-

лотилось, как у зайца; девушке очень хотелось развернуться и убежать, и все же, проведя большую часть жизни в тени, она научилась хорошо в ней ориентироваться. Айяма застыла на месте, чувствуя, как пот холодит кожу. Уже через несколько минут она поняла, что лесной мрак казался непроглядным только после яркого степного солнца, оставленного позади.

Когда глаза привыкли к темноте, Айяма решила, что на жаре ей напекло голову, ибо лес озаряли звезды, при том что время – она точно знала! – едва перевалило за полдень. В вышине, на фоне насыщенной синевы сумеречного неба, чернели контуры ветвей, а вокруг – там, где еще мгновения назад щетинились острые шипы, светились гроздья белоснежных цветов айвы. Сладко пели ночные птицы, ритмично и резко стрекотали сверчки, и где-то неподалеку – хотя Айяма убеждала себя, что этого не может быть, – журчала вода. Звезды освещали каждый лепесток, каждый камушек, словно посереббив весь лес. Айяма понимала, что нужно быть осторожной, однако не устояла перед искушением скинуть башмаки и погрузить усталые ступни в прохладный мягкий мох.

Немного постояв, она заставила себя покинуть безопасный уголок и зашагала дальше. Через некоторое время Айяма оказалась на берегу ручья. Звездный свет так ярко отражался от его поверхности, что казалось, будто кто-то одной непрерывной лентой, как с яблока, срезал с луны кожицу и пустил эту сияющую извитую полосу по воде. Следуя за

течением ручья, Айяма двинулась вдоль берега, все больше углубляясь в лес, и в конце концов вышла на окутанную тишиной поляну. В ветвях деревьев, ее окружавших, мерцали светляки, а небо было матово-лиловым, точно спелая слива. Айяма проникла в самое сердце леса.

Ручей впадал в широкий пруд, обрамленный гладкими камнями и зарослями папоротника. Увидев кристально-чистую, прозрачную воду, Айяма тут же обо всем забыла и опустилась перед ней на колени. Маки на ее шляпе давно завяли, горло высохло, как старая ореховая скорлупа. Своей маленькой медной чашкой Айяма зачерпнула воды из пруда, но в эту самую минуту раздался оглушительный рев, и выбитая из руки чашка поплыла по воздуху над поляной. От удивления Айяма едва не свалилась в пруд.

– Глупая девчонка! – загремел голос, похожий на рокот снежной лавины в горах. – Хочешь стать чудищем?

Айяма съежилась на траве и зажала рукой рот, сдерживая вопль ужаса. Она скорее ощущала, нежели видела очертания массивной фигуры монстра, который рассерженно ходил взад-вперед в сумраке леса.

– Отвечай! – потребовал зверь.

Айяма потрянула головой и хрипло проскрежетала:

– Я просто хотела пить.

Чудовище издало гневный рык и направилось к Айяме, топая так, что дрожала земля. Зверь поднялся на дыбы и навис над девушкой. Черная тень заслонила небо. Внешне он

выглядел, как огромный волк, однако стать имел человеческую. Поверх густой гривы на шее монстра блестело ожерелье из золота и рубинов. Витые рога на голове по краям мерцали алым, словно подсвеченные изнутри тайным огнем. Однако страшнее всего были его горящие красные глаза и голодный оскал пасти, полной острых зубов.

В памяти Айямы всплыли слухи, которыми было окружено рождение младшего принца. С каким же демоном возлегла королева, чтобы породить столь ужасное создание? Чем король навлек на себя это проклятье?

Зверь возвышался над Айямой, как медведь, готовый напасть на жертву. «Оружие!» – мелькнуло в голове девушки. Она достала из кармана передника топорик, но чудовище лишь ухмыльнулось. Да-да, иначе как ухмылкой это и не назовешь: губы монстра растянулись, обнажив черные десны и страшные длинные клыки.

– Бей, – приказал он. – Разруби меня надвое.

Не успела Айяма опомниться, как зверь выхватил у нее топорик и ударил себя в грудь. Лезвие отскочило, не оставив следа.

– Никакое оружие не способно пробить мою шкуру. Думаешь, отец не пробовал меня уничтожить?

Чудовище опустило гигантскую голову, обнюхало шею Айямы и фыркнуло.

– Отправил ко мне деревенщину, насквозь пропитанную золой и кухонной вонью! Ты даже в пищу не годишься. По-

жалуй, я сдеру с тебя кожу и отдам другим тварям тернового леса, чтобы разозлить их и вызвать на драку.

Привычная к оскорблениям, Айяма научилась пропускать их мимо ушей. Сейчас, однако, она испытывала такую усталость, боль и страх, что в теле гудела каждая косточка. Наверное, именно поэтому девушка нашла в себе силы встать и с горечью произнести тем самым скрипучим голосом, что так раздражал ее родителей:

– Вот вам и чудище! Его слабым челюстями подавай лишь мягкотелых принцесс.

Она немедленно пожалела о своих словах, но зверь в ответ только расхохотался, и от этого человеческого звука, исторгнутого из нечеловеческой груди, внутри у Айямы все похолодело.

– Ты такая же колючая, как этот лес. Скажи, зачем королю злить меня, присылая неуклюжую простолюдинку?

– Король назначил меня...

В мгновение ока все добродушие зверя испарилось. Он закинул голову и пронзительно завыл. От этого душераздирающего воя листья на ветвях задрожали, а бело-розовые лепестки полетели по воздуху, точно сорванные ветром. Айяма попятилась и обхватила голову руками, словно пытаясь спрятаться. Чудовище склонилось к ней так близко, что она ощутила странный звериный запах его шкуры и почувствовала жар дыхания.

– В моем лесу есть одно-единственное правило, – проры-

чал монстр. – Говори правду!

Айяма уже открыла рот, чтобы рассказать о своей семье, об обещанных в награду шелках и золоте, и вдруг поняла, что правда звучит намного проще.

– Больше никто не захотел идти.

– Даже храбрые королевские воины?

Девушка покачала головой.

– Даже красавец-принц, мой старший брат?

– Даже он.

Зверь снова разразился хохотом, и в отзвуках его смеха Айяме почудилось бречание костей. Теперь, когда девушка запомнила свой собственный голос, она уже не стеснялась им пользоваться. Не для того она столько прошла, стерея ноги в кровь, не для того страдала от тоски и жажды, чтобы над ней насмехались! Айяма отбросила страх, собралась с духом, покрепче уперлась широкими ступнями в землю и прокричала громко и резко, точно медная труба:

– Меня послали передать тебе просьбу больше не задирать нашу скотину!

Чудовище прекратило смеяться.

– Это еще почему?

– Потому, что мы голодаем!

– А мне какое дело? – прорычал монстр и вновь принялся раздраженно ходить туда-сюда по поляне. – Кого-то волновало мое голодное брюхо, когда меня еще малышом загнали в лабиринт? Обращалась ли ты таким же зычным голосом

к королю, просила ли проявить ко мне милосердие, маленькая посланница?

Айяма принялась теребить завязки передника. Она не могла не признать, что, хоть в то время и сама была ребенком, ни разу не слыхала, чтобы ее родители или другие жители долины когда-нибудь пожалели монстра.

– Нет, – ответил зверь на свой вопрос, – не просила. Если ваш добрый король так печется о народе, пускай накормит вас мясом овец из собственного стада.

Возможно, правителю и стоило бы так поступить, однако Айяма была не вправе ему указывать.

– Я пришла договориться с тобой.

– У короля нет того, что я хочу.

– Тогда прояви милость безвозмездно.

– Отец этому меня не научил.

– Разве ты не способен научиться сам?

Зверь прекратил бороздить поляну и очень медленно повернулся к Айяме, которая отчаянно старалась не стучать зубами от страха, даже когда чудовище устремило на нее взгляд горящих красных глаз. На его морде появилась злобная ухмылка.

– Я готов заключить уговор с тобой, маленькая посланница. С тобой, а не с королем. Расскажи мне историю, и если, выслушав ее, я не разгневаюсь, то, пожалуй, оставлю тебя в живых.

Айяма растерялась. Предложение монстра – ловушка?

Или же он ставит заведомо невыполнимое условие? Возможно, сейчас чудовище пребывает в добром расположении духа либо просто насытилось трапезой и желает развлечься. С другой стороны, Айяма, большую часть жизни проведшая в вынужденном молчании, допускала, что зверь мог просто-напросто соскучиться по разговорам.

Девушка прочистила горло и на всякий случай спросила:

– И тогда ты перестанешь резать нашу скотину?

Чудовище хрюкнуло.

– Если ты мне не надоешь. Впрочем, ты уже начала меня утомлять.

Айяма набрала полную грудь воздуха, пытаясь унять волнение. Ужасно трудно собраться с мыслями, когда над тобой нависает огромное свирепое существо.

– Может, присядешь? – она жестом указала на землю.

Зверь недовольно рыкнул, но возражать не стал и грузно плюхнулся на траву у кромки воды, заставив птиц испуганно вспорхнуть с темных ветвей.

Айяма устроилась на почтительном расстоянии, расправила передник и обула башмаки. Закрыла глаза, чтобы не видеть, как монстр, свернувшийся у ручья, облизывается в предвкушении удовольствия.

– Не тни время, – бросил он.

– Я просто собираюсь с мыслями, чтобы ничего не перепутать.

Чудовище засмеялось отвратительным утробным смехом.

– Говори правду, маленькая посланница.

Айяма похолодела: она не знала, какие истории из тех, что рассказывала Ма Зиль, правдивы, а какие – нет. Кроме того, страх близкой смерти и вовсе мешал соображать. Тем не менее, тот факт, что у Айямы отсутствовали слушатели, далеко не означал, что ей нечего было сказать. Еще как было! И если зверю на самом деле было приятно, что с ним разговаривают, то девушка и подавно радовалась, что кто-то готов ее выслушать.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Жил-был юноша, который ел, ел и никак не мог наесться. Он лопал гусей целыми выводками, не утруждаясь их ощипать; досуха выпивал озера вместе со всей рыбой, что там водилась, а потом отрывал камни со дна. Одним махом он закидывал в рот дюжину яиц, после чего съедал тысячу туш скота, зажаренных на тысяче вертелов. Лишь изредка он прерывался на сон, а когда просыпался, в животе опять урчало от голода. Он уничтожал огромные поля кукурузы и злаков, но, дойдя до последнего ряда, все так же хотел есть.

Неотступный голод измучил парня. Бедняга ощущал внутри страшную пустоту, и порой она казалась ему такой бездонной, что в чреве – он мог в этом поклясться! – как будто гулял ветер. Родители его отчаялись, так как не имели средств, чтобы прокормить обжору. Юноша мечтал изле-

читься от своего недуга, но ни доктора, ни лекари-зова не могли ему помочь. Молва о нем, как обычно бывает, разнеслась во все концы и докатилась до одной девушки из отдаленного городка. Она тут же рассказала об этом отцу – искусному врачевателю и умнейшему человеку. Доктор этот объездил весь мир и познал много тайн и секретов. Девушка не сомневалась, что он сумеет найти лекарство, и вскоре отец с дочерью собрали вещи и отправились в деревню, где жил обжора. Завидев начисто обьеденные поля, они поняли, что цель путешествия близка.

Наконец они прибыли на место и сообщили родным страдальца, что хотят его вылечить. Юноша не питал надежд на исцеление, но все же позволил доктору осмотреть его глаза и уши, а когда тот пожелал заглянуть ему в горло, послушно открыл рот.

– Вот оно что! – воскликнул умный доктор, изучив глотку. – Не спала ли твоя матушка возле открытого окна, когда носила тебя под сердцем?

Мать юноши подтвердила, что это правда: лето в тот год выдалось на редкость жарким.

– Ну что ж, – заключил доктор, – все очень просто. Твоя матушка во сне проглотила кусочек ночного неба, и его пустота застряла у тебя внутри. Съешь краюшку солнца, чтобы заполнить пустоту, и ты поправишься.

Хотя доктор и утверждал, что дело это не хитрое, юноша считал иначе. Как дотянуться до солнца, если нет ни лест-

ницы, ни подходящего дерева? Бедный парень закручинился еще сильнее. Дочка врача, однако, была не только доброй, но и умной девушкой. Зная, что каждый вечер солнце низко опускается над морем и золотит воду, она построила небольшую лодочку и вдвоем с парнем поплыла на ней к западу. В пути юноша съел двух китов, так как плыть пришлось долго. Наконец они достигли золотого дворца, где солнце встречалось с морем. Девушка взяла черпак, вырезанный из древесины ясеня, и зачерпнула из воды немного солнца. Когда юноша выпил жидкое солнце...

Чудовище глухо зарычало, и Айяма подскочила от неожиданности. Увлечшись рассказом, она от всей души наслаждалась тем, что наконец обрела слушателя, и уже почти забыла, где находится.

– Дай угадаю, – пророкотал монстр. – Мальчишка выпил глоток солнечного моря и благополучно исцелился. Приплыл домой, женился на пригожей дочке лекаря, и у них народилась куча детишек, которые помогали отцу работать в поле, так?

– Чепуха! – возразила Айяма, надеясь, что дрожь в голосе не выдаст ее испуга. – Конечно же, все было по-другому.

Девушка слукавила: история заканчивалась именно так, как предположил зверь, – по крайней мере, в привычном варианте. И все же эта концовка почему-то всякий раз вызывала у нее странную грусть и досаду, как звучание фальшивой

ноты. Но как завершить рассказ, чтобы чудовище не разлилось? Айяма, которой всю жизнь затыкали рот, научилась внимательно слушать и накрепко запомнила правило тернового леса: говорить только правду. История требовала правдивого окончания.

Айяма собралась с мыслями, подхватила нить повествования и принялась разматывать ее дальше.

– Все верно, юноша выпил из ясеневое черпака растворенное в воде солнце и избавился от мучительного голода. Теперь на завтрак ему не нужно было целое стадо скотины и целое озеро воды. Да, он женился на хорошенькой дочке врача и каждый день усердно возделывал землю. Однако несмотря на все это, парень по-прежнему чувствовал себя несчастным. Видишь ли, некоторые люди от рождения носят в себе частицу ночи, и эту пустоту ничем не заполнить – ни сытной пищей, ни всем солнечным светом в мире. От нее также нельзя избавиться, поэтому иногда мы просыпаемся с ощущением, что внутри свищет ветер, и приходится просто терпеть, как терпел тот юноша...

Айяма завершила рассказ и только тогда осознала, что, стараясь быть честной, раскрыла свою собственную тоску, но сказанного, как известно, не воротишь.

Монстр долго молчал, затем поднялся, помел пушистым черным хвостом по земле, повернулся спиной к Айяме и сказал:

– Я больше не буду резать ваш скот. Ступай домой и не возвращайся.

И она не усомнилась в его словах, ибо терновый лес требовал правды.

С трудом веря своему счастью, девушка вскочила и затопила прочь с поляны, но когда наклонилась за топориком и медной чашкой, зверь промолвил ей вслед:

– Постой.

Теперь он казался не более чем смутной тенью во мраке – Айяма разглядела лишь красные огоньки глаз и светящиеся очертания рогов.

– Возьми с собой гроздь цветов айвы да смотри не вырони, когда будешь идти через степь.

Айяма без лишних вопросов сорвала тонкую веточку с цветами и побежала вдоль ручья. Остановилась она только после того, как продралась сквозь заросли безжалостных колючек и вновь ощутила на лице солнечное тепло.

Девушка шагала через степь, заботливо припрятав в кармане передника гроздь белых цветов, и на этот раз раскаленный песок не обжигал ей ноги, а яркое солнце не палило плечи. Когда впереди показалась родная долина, девушка радостно вскрикнула.

Завидев королевскую посланницу живой и невредимой, жители города отперли тяжелые засовы на дверях, распахнули ставни и высыпали на улицы. По выражению их лиц Айяма поняла: на ее возвращение никто не надеялся.

Айяму немедленно засыпали вопросами, а когда она стала отвечать, горожане рассердились, стали больно щипать за руки и обзывать лгуньей.

– Волшебный лес в дикой степи? – фыркнул один. – Вот враки-то!

– Да она и вовсе не ходила к зверю, – высказался другой. – Проспала себе весь день в тенике под месkitовым деревом.

В доказательство Айяма достала из кармана передника гроздь цветов айвы, свежих и ничуть не увядших. На бело-розовых лепестках еще дрожали капли росы, и прекрасная гроздь сияла в девичьей ладони, как небесное созвездие. Глядя на цветы, горожане чувствовали на языке терпкий вкус айвы, ощущали кожей ласкающую сень прохлады.

Да, цветы были не простые, а чудесные. Теперь, когда Айяма держала в руке мерцающую гроздь, люди заворуженно слушали ее рассказ о клятве зверя, а когда она закончила, почтительно проводили до дворца, вполголоса переговариваясь и не замечая, что на руках девушки, которой они восхищаются, еще видны следы от их болезненных щипков.

Король на своем высоком троне холодно выслушал отчет посланницы, однако и он не мог противостоять магии цветов в ладонях Айямы. Теперь вся гроздь благоухала странным и прекрасным ароматом, а нежные лепестки постепенно начали алеть.

– Что за диво! – с широкой улыбкой воскликнул красавец-принц, старший сын короля. – И какая смелая девушка!

Она заслуживает, чтобы ей насыпали полные карманы драгоценных камней и в песнях восславили ее храбрость.

Айяма улыбнулась в ответ – не расцвести от столь галантного комплимента было нельзя, – хотя на самом деле в эту минуту больше всего мечтала о кружке воды.

Королева, в глазах у которой стояли слезы, взяла у нее цветочную гроздь и сказала мужу:

– Ты должен выполнить, что обещал.

Король приказал, чтобы домой к Айяме доставили три сундука золота и тридцать рулонов шелка.

Вечером в семье царило оживление: родители радовались свалившемуся на них богатству, Кима расцеловала младшую сестру в обе щеки, а старая Ма Зиль с гордым видом посматривала на родных и жевала юрду.

От Айямы не укрылось, что решетка перед очагом не чищена, белье не стирано, а грязные горшки с присохшими остатками пищи так и громоздятся на столе. Девушка вспомнила умиротворяющий покой тернового леса и со вздохом улеглась на свой тюфяк. Наутро она гадала, не приснилось ли ей все это, но, взглянув на оцарапанные шипами руки, поняла, что волшебный лес на краю степи – не выдумка.

* * *

Монстр сдержал слово, и если скот в долине теперь от чего-то и страдал, то лишь от капризов погоды. Король воз-

обновил свою неудачную войну, простые люди вернулись к земле и торговле, и вскоре среди них вспыхнуло прежнее недовольство, ведь налоги опять росли, а мужчины – чьи-то сыновья и братья – гибли в сражениях. Но однажды утром Немила Эйд посмотрела в окно и остолбенела: кто-то уничтожил весь урожай юрды на ее полях. Вырванные с корнем растения валялись на земле и уже начали жухнуть. Та же самая беда стряслась у соседей к северу и югу. Странные следы вели с поля в пыльную степь.

Народ воззвал к королю, требуя защиты, а некоторые даже шептались, что королеву нужно казнить, ведь она породила на свет чудовище, от которого никому нет житья. Король вновь объявил, что ищет добровольца-посланника, и на этот раз посулил в награду надел земли из своих собственных лучших владений.

– Мы теперь богаты, – вечером сказала Ма Зиль, сидя у огня, – но только представьте, как хорошо было бы жить в роскошном доме, где Кима могла бы принимать женихов. Тогда она уж точно сделает блестящую партию. Айяма, а тебе разве не хочется зимой ходить в белых мехах, есть сочную хурму и спать в настоящей кровати?

Айяма очень сомневалась, что выживет после второй встречи с монстром, и, если тот ее сожрет, как же она будет наслаждаться хурмой и спать на мягких подушках? Однако Ма Зиль погладила внучку по щеке загорелыми пальцами и пообещала, что ничего худого с ней не случится. По прав-

де сказать, в глубине души Айяме и самой хотелось вернуться в лес. Разбогатеv, родители девушки обзавелись большим количеством слуг, но при этом настолько привыкли помыкать ею, что разучились обращаться с ней как с родной дочерью. Айяма по-прежнему спала на кухне, чистила горшки и смотрела, как для Кимы кроят шелковые платья, а опрятная горничная в фартучке с цветочным узором убирает волосы матери в прическу. Теперь люди на улицах кланялись Айяме, но никто никогда не останавливался, чтобы спросить, как она поживает, и просто поболтать. Чудовище свирепо рычало, скалило клыки и вполне могло перегрызть ей горло, но, по крайней мере, зверю было интересно ее слушать.

Так что, едва занялась заря, Айяма сунула в карман передника свою маленькую медную чашку, топорик, которым рубила хворост, надела на голову широкополую шляпу и снова отправилась в путь.

Дорога через пыльные пустоши, кое-где перемежавшиеся низкорослым кустарником, выдалась такой же долгой и утомительной, как в первый раз. К тому времени, как девушка достигла матово-серых деревьев на границе тернового леса, в горле у нее саднило, точно от черствых крошек. Айяма храбро пробралась через колючие дебри и облегченно выдохнула, когда серебряный свет звезд плащом лег ей на плечи.

Только тогда она вспомнила о своем страхе. Возможно, зверь разъярен и голоден. Он ведь может и забыть, что в про-

шлый раз проявил доброту и отпустил ее. С другой стороны, рассудила девушка, она уже в лесу и деваться ей некуда. Айяма двинулась вдоль серебристого ручья, с наслаждением ступая усталыми ногами по мягкой листве и влажной почве. О том, что монстр может разделаться с ней одним укусом – или, того хуже, двумя, – она старалась не думать.

Наконец Айяма вышла к пруду. Сегодня зверь не таился во мраке, а беспокойно бродил взад-вперед по поляне, словно чего-то ждал.

– А-а, – прорычал он своим низким голосом, когда увидел девушку. – Не слишком-то они дорожат тобой, если надеются, что ты избежишь смерти дважды.

Поскольку терновый лес требовал правды, Айяма не могла не признать правоту чудовища, но теперь заговорила гораздо смелее.

– Прекрати уничтожать наши посевы.

– Это еще почему?

– Без льна и хлопка нам не из чего будет ткать полотно, когда придет зима.

– Какое мне дело до зимы? В этом лесу царит вечная весна. Кто-нибудь вспоминал о зиме, когда я дрожал от холода в отцовском лабиринте? Пускай ваш король кормит и одевает вас из своих запасов.

Айяма сочла, что это было бы вовсе не плохо.

– Сперва ты ведешь себя, как жестокий тиран, а потом упрекаешь в жестокости других? Прояви милосердие, и оно

к тебе вернется.

– Мой отец этому меня не научил.

– Разве ты не способен научиться сам?

Возможно, Айяме лишь почудилось, но, кажется, зверь улыбнулся.

– Ты знаешь мое условие, маленькая посланница. – Он уселся подле ручья – гора черного меха, из-под которой поблескивали золотые когти. – Расскажи историю, да такую, чтобы я не рассердился. Если мне понравится, может, я и оставлю тебя в живых.

Айяма только этого и ждала. Она вдруг осознала, что все время после возвращения из волшебного леса – много дней и ночей, проведенных в молчании, – подбирала слова для истории, которую расскажет младшему сыну короля. Девушка села на берегу ручья и начала:

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

В одну деревню пришла печальная на вид женщина. Там она встретила мужчину, который искал себе жену, и вышла за него замуж. У них народилось двое милых ребятишек, мальчик и девочка, но с возрастом дети сделались грубыми и непослушными. Из-за частых хворей они постоянно капризничали, доставляя матери, Маме Тані, много хлопот и огорчений. Все жительницы деревни жалели Маму Тани, которая совсем почернела от горя, однако сносила болезни

и грубость своих детей с большим мужеством.

Все изменилось, когда в дом Мама Тани проник злой дух. Он пакостил всем: расколотил склянки с драгоценной мазью и травяными настояками, которыми Мама Тани пользовалась, чтобы сохранять молодость кожи; сломал плуг, из-за чего глава семьи не мог работать в поле, сидел дома и путался у жены под ногами. Но больше всего дух любил изводить детей, точно их дурное поведение его раздражало. Если брат с сестрой ложились спать, он принимался стучать в окна и трясти кровать, так что дети не могли сомкнуть глаз. Когда они садились за стол, злобный дух бил тарелки и сыпал еду по полу...

Зверь грозно зарычал; Айяма заметила, что он придвинулся к ней почти вплотную. Сердце у нее забилося часто-часто, она замерла, почти не дыша.

– Дай угадаю, – сказал монстр. – Брат с сестрой заплакали, стали молиться богам и обещать, что отныне будут вести себя хорошо. Дух покинул дом, в семье Мама Тани воцарился мир и покой на зависть всей деревне, и это послужило уроком каждому непослушному ребенку.

Разумеется, Айяма слышала эту историю именно в таком пересказе и все же часто размышляла, какую концовку предпочла бы, если бы сочинила ее сама.

Девушка огладила передник и со всей уверенностью, которую смогла изобразить, возразила:

– Ничего подобного! История заканчивается совершенно

не так.

«Говори правду!» – напомнила она себе и продолжила повествование по-своему:

– Однажды, когда родители ушли и дух вновь принялся разбойничать в доме, словно обезумевший ураган, дети тихонько сели в уголке, взяли за руки и запели колыбельную – одну из тех, что в детстве пела им мать. И, конечно, злой дух мало-помалу успокоился, а по прошествии некоторого времени заговорил. Только вот оказалось, что буянил не один дух, а двое.

– Двое? – повторило чудовище, подавшись вперед.

– Представь себе. Это были призраки двух первых детей Мама Тани, мальчика и девочки, которых она нарочно довела до смерти, чтобы вызвать сочувствие у всех женщин деревни, где прежде жила. После этого она убралась подальше от того места, и дети-призраки долгие годы разыскивали ее, но как только нашли, стали делать все возможное для защиты новой семьи Мама Тани. Духи разбивали склянки, где та держала смертельные зелья, рассыпали отравленную кашу и не давали брату с сестрой спать, зная, что Мама Тани собирается жечь в курильнице ядовитые травы, от дыма которых дети не проснутся. Призраки умышленно сломали плуг, чтобы глава семейства не мог работать, сидел дома, и мальчик с девочкой не оставались наедине с матерью.

Живые брат и сестра поведали об этом отцу, и, хотя тот

отнесся к их рассказу с недоверием, но все же решил послать человека в деревню, откуда родом были дети-призраки. К тому времени, когда посланец возвратился и подтвердил, что все сказанное духами – чистая правда, Мама Тани давно сбегала. Эта история учит нас, что не всегда следует бояться незримого и что самые близкие люди порой не питают к нам должной любви...

Айяма опять невольно выдала свои мысли, а зверь, как и в прошлый раз, надолго погрузился в молчание.

– Что стало с Мамой Тани? – наконец спросил он.

Айяма понятия не имела, да и не задумывалась об этом.

– Кто знает? Рок не всегда настигает тех, кто этого заслуживает.

Даже в сумраке девушка заметила, как нахмурился монстр. Кашлянув, она расправила поля своей шляпы.

– Думаю, ее сожрали койоты.

Чудовище удовлетворенно кивнуло, и Айяма облегченно выдохнула.

– Я больше не буду вредить вашим посевам, – сказал зверь. – Возьми с собой гроздь цветов айвы да смотри не вырони, когда будешь идти через степь. Ступай и не возвращайся.

Девушка расслышала в его рычании нотку грусти, а может, ей это просто почудилось. Она сорвала с дерева цветочную гроздь и пошла прочь с поляны. Оглянувшись, Айяма увидела, что зверь по-прежнему сидит на задних лапах

и следит за ней горящими огоньками глаз. «Отчего бы мне не задержаться? – промелькнуло у нее в голове. – Отчего не побыть здесь подольше, не рассказать новую историю?..»

Вместо этого Айяма поспешила через знойную степь обратно в долину. Цветы айвы она вплела в косы и теперь будто бы несла прохладу волшебного леса с собой.

На этот раз горожане сразу разглядели в волосах девушки белые цветки и не стали щипать ее или обзывать лгуньей. Вместо этого Айяму напоили сладкой водой и со всем почтением проводили во дворец, ведь теперь она была уже не кухонная прислуга, а героиня, которая дважды выжила после встречи с чудовищем.

Айяма передала королю обещание монстра, и тогда принц воскликнул:

– Невероятно! Мы обязаны воздвигнуть статую этой девушки и каждый год всем королевством праздновать ее день рождения.

Айяма сочла предложение неплохим, но больше всего в эту минуту ей хотелось сесть и скинуть башмаки. Конечно, принц знал бы об этом, если бы потрудились спросить ее, однако старший королевич так же не любил задавать вопросы, как и его младший брат.

Королева взяла в руки начавшие алеть цветы айвы и обратилась к мужу:

– Ты должен сдержать слово.

И вот король приказал передать часть своих лучших зе-

мель во владение семьи Айямы и перевезти туда все их пожитки. Когда же Айяма собиралась вежливо поклониться и уйти, правитель спросил:

– Монстр доверяет тебе, дева?

Айяма, уже привыкшая высказывать свои мысли вслух – притом довольно громко, – сказала:

– Не сожрать человека – это одно, а доверять ему – совершенно другое.

Кроме того, для всех будет лучше, решила девушка, если зверя в его волшебном лесу оставят в покое.

Но, как почти всегда бывало в жизни Айямы, несмотря на ее громкий голос, король либо не слушал, либо не услышал сказанного.

– Ты возьмешь нож, пойдешь в терновый лес и убьешь монстра, чтобы мы все могли жить без страха, – приказал он. – Сделаешь это – выйдешь замуж за принца, а твоей семье я пожалую титул, так что именитее вас во всей стране будет только мой собственный род.

Королевич при этих словах несколько растерялся, но возражать не стал.

– Никакой кинжал не способен пробить шкуру вашего младшего сына, – сказала Айяма. – Я тому свидетель.

Королева в волнении стиснула край своего шелкового платья, а король подал знак, по которому слуга вынес темно-серую шкатулку. Открыв крышку, правитель извлек из шкатулки необычный нож: рукоять его была костяной, а лез-

вие имело тот же дымчато-серый цвет, что и шкатулка. И терновые деревья.

– Могущественный резчик-зова сделал этот нож из шипа тернового дерева. Только этим оружием можно умертвить зверя.

Не в силах это слышать, королева отвернулась.

Айяма надеялась, что родные вступятся за нее и скажут, что она больше не вернется в волшебный лес, ведь семья уже заполучила дом и земли, а Кима – богатое приданое, но все промолчали, даже старуха Ма Зиль, утверждавшая, что чудесные приключения выпадают лишь на долю красавиц.

Девушка против воли взяла нож. Клинок оказался легким, как сухой бобовый стручок. Казалось неправильным, что смерть в ее руках весит не больше пуха.

– Принеси мне сердце зверя, и я вознагражу тебя по заслугам. До конца своих дней ты не будешь ни в чем нуждаться, – пообещал король.

Айяма не хотела быть принцессой, не хотела убивать чудовище, но для той, которая всю жизнь чувствовала себя ненужной и всеми отвергнутой, предложение прозвучало более чем заманчиво.

– Хорошо, – наконец сказала она. – А если я не вернусь, пусть за принца выйдет Кима, а семья получит обещанный титул.

Такая сделка пришлась правителю не по нраву. Он, конечно, мечтал избавиться от зверя, но предпочитал, чтобы

девушка рискнула жизнью за меньшую цену. Однако делать нечего, король согласился с условиями Айямы, и она спрятала нож в карман передника.

Королевские слуги перевезли весь скарб семейства в роскошный новый дом. Отец то и дело издавал радостные возгласы, а мать кругами ходила по саду, глядя на простирающиеся вдаль поля, словно не верила, что все это отныне принадлежит ей. Лишь одна Кима взяла Айяму за руку и сказала:

– Сестрица, не ходи в лес. Мы и без того богаты благодаря твоей храбрости. У нас есть земля, дом и слуги. Ни один принц на свете не стоит твоей жизни.

«Это смотря какой принц», – подумала Айяма. Старая Ма Зиль не проронила ни слова.

В ту ночь сон к девушке не шел. После соломенного тюфяка, брошенного на жесткие каменные плиты, кровать казалась чересчур мягкой. Айяма поднялась затемно, когда все еще спали, повязала небесно-голубой передник, надела шляпу, взяла с собой топорик и медную чашку. Проведя пальцами по зазубренному лезвию ножа, она убрала его в карман передника и в последний раз отправилась в степь.

Страх ее, видимо, был так велик, что дорога через выжженные зноем пустоши промелькнула незаметно. Совсем скоро Айяма продралась сквозь заросли серых колючек и очутилась под сенью цветущих деревьев. Сияние звезд ласкало кожу девушки, навеяв столь приятный покой и прохла-

ду, что к глазам подступали слезы. Айяма пообещала себе, что после смерти чудовища еще вернется в волшебный лес, станет приводить сюда Киму или просто приходить в одиночестве, когда устанет. И все же она сомневалась: суждено ли этому осуществиться? Останется ли терновый лес неизменным после кончины монстра? Стояла ли стена деревьев на этом месте до появления зверя или выросла, чтобы укрыть его? И что Айяме делать в лесной тишине, если некому будет слушать ее истории?

Монстр ждал девушку на поляне.

– Не терпится стать моим обедом? – полюбопытствовал он.

Подобрав слова так, чтобы не солгать, Айяма промолвила:

– Я подумала, что тебе, наверное, больше хочется послушать новую историю, нежели насытить брюхо.

Зверь и девушка уселись на берегу ручья, и в серебристом сумраке Айяма начала свой последний рассказ.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Жила-была одна девушка, добрая и трудолюбивая. Каждый вечер две ее старших сестры уходили в город, чтобы повеселиться и поплясать, а она оставалась дома и выполняла самую тяжелую работу.

Вот как-то раз все три сестрицы сидели на кухне, и тут с улицы в дом залетела странная птица – большая, безоб-

разная, с пыльным оперением и длинным, хищно изогнутым клювом. Прилетела и села на подоконник. Старшие сестры завизжали, одна из них схватила метлу и выгнала незваную гостью. Когда обе они ушли наряжаться на вечернюю гулянку, птица прилетела опять. Младшая сестра не стала прогонять ее, а приветливо заговорила с ней и поставила плошку с зерном. Не прекращая ласково ворковать, влажным полотенцем обтерла грязь и пыль с перьев и вдруг увидела, что хохолок птицы отливает золотом, а клюв сверкает, как топаз. Птица захлопала широкими крыльями и улетела, но всю неделю возвращалась к девушке после ухода старших сестер и, покуда та управлялась с домашними делами, сладким голосом пела для нее песни.

На седьмой день птица, как и прежде, дождалась, когда младшая сестра останется одна, и влетела в дом через кухонное окошко. Тотчас громко захлопали крылья и затрубили фанфары. Там, где мгновение назад находилась птица, стоял прекрасный принц в золотом одеянии.

– Летим со мной в мой дворец у моря, – молвил принц. – Я вознагражу тебя за доброту, и ты ни в чем не будешь знать нужды.

Как известно, для того, кто всю жизнь усердно трудился и ничего за это не получал, такое предложение – щедрая награда. Девушка взяла принца за руку и вместе с ним улетела во дворец на морском берегу. Однако по прибытии сразу же выяснилось: король с королевой весьма недовольны тем,

что их сын выбрал в жены простолюдинку. И вот королева решила устроить будущей невестке три испытания...

Зверь глухо зарычал, и Айяма подскочила от неожиданности. Незаметно для девушки, он улегся так близко, что почти касался мордой ее коленей. Рот чудовища был растянут в ухмылке.

— Что за глупую байку ты выбрала на этот раз, — недовольно пробурчал монстр. — Конечно же, она пройдет все три испытания и выйдет замуж за смазливового принца. Ах, сколько счастья!

— Чепуха! — отрезала Айяма. Шагая через степь, она много думала об этой истории и о том, что до знакомства с королевскими особами привычная концовка восхищала ее куда больше. — Разумеется, все было совсем по-другому. Помнишь старших сестер девушки?

Зверь неохотно кивнул и уложил свою огромную голову на передние лапы.

— Да, они во многом были недалекими и эгоистичными, но при этом искренне любили сестру, — продолжала Айяма. — Как только сестры обнаружили, что их младшенькая исчезла, а на полу валяется золотое перо, то сразу догадались, что произошло, ведь обе не вчера родились на свет. Сестры вскочили на коней, много дней и ночей ехали без сна и отдыха и наконец добрались до замка на берегу моря. Там они принялись настойчиво барабанить в ворота и барабанили до

тех пор, пока стражники их не впустили. Шумно ворвавшись в тронный зал, девицы потребовали вернуть их сестру. На это принц заявил, что они просто завидуют той, кому повезло больше, и сами хотели бы оказаться на ее месте. Злые бесстыдницы, говорил принц, вам лишь бы пить зелено вино, плясать до утра и флиртовать! В общем-то, все упреки были справедливы, однако тот самый жизненный опыт, которого успели набраться «прожженные» сестры, подсказывал им, что красивой внешности и пышным титулам доверять не следует. Девушки громко возмутились: если принц так сильно любит свою невесту, то почему позволяет, чтобы ей устраивали испытания? Юноша не нашелся с ответом, и сестры сердито затопали ногами в бальных туфельках: если он считает себя достойным женихом, то отчего беспресловенно подчиняется родительской воле? Принц опять не дал ответа и лишь что-то растерянно лепетал, а красота его хоть и осталась при нем, но чуточку померкла.

Старшие сестры попросили у младшей прощения за то, что взваливали на нее всю работу, и пообещали брать с собой на вечеринки, чтобы та по наивности не выскочила замуж за первого же кавалера, прилетевшего через окошко. Младшая сестра увидела в этом уговоре резон, и все трое возвратились домой. Днем сестры вместе управлялись с хозяйством, а по вечерам веселились и танцевали.

– И чему же учит эта история? – спросило чудовище, когда

Айяма завершила рассказ.

– Тому, что принцы в жизни – не главное.

Айяма встала, а зверь продолжал лежать у ее ног, склонив лохматую голову, и рога его в сумраке светились алым.

– У тебя еще остались в запасе истории, маленькая посланница? – спросил он.

– Только одна, – ответила она, сжав в руке нож с зазубренным лезвием. – О девушке, которую послали в лес уничтожить отвратительное чудовище.

– И она это сделала?

– Ты совершил ужасные преступления, зверь.

– В самом деле?

– Говори правду.

– Я убил солдат короля, потому что они хотели убить меня, – признал монстр. – Я уговаривал их уйти, но люди не всегда прислушиваются к словам чудовища.

Айяма по себе знала, каково это, когда тебя не желают слышать, а еще знала, что монстр ее не обманывает. Да, порой он проявлял жестокость и, само собой, был очень опасен, но при этом не терпел лжи – как и терновый лес, ведь наутро после первой встречи с чудовищем именно царапины от острых шипов убедили Айяму, что сияние звезд в волшебном лесу и прекрасные бело-розовые цветы ей не приснились.

– Мне приказали принести твое сердце, – сказала девушка.

– Тогда выполняй приказ, – ответил зверь, не сводя с нее

горящих красных глаз.

Айяма подумала о короле, который заточил в лабиринт монстра, тогда как мог бы воспитать сына. О короле, который винил чудовище во всех страданиях своего народа, а сам не делал ничего, чтобы эти страдания облегчить. Вспомнила девушка и первый вопрос, заданный ей зверем, когда она опустилась на колени у пруда, чтобы напиться, и монстр выбил чашку у нее из рук. «Хочешь стать чудищем?»

Айяма спрятала нож в карман передника и достала маленькую медную чашку.

– Зверь, я хочу пить, – сказала она.

* * *

Монстр позволил Айяме связать ему передние лапы колючими побегами терновника, и они двинулись в путь через сухую пыльную степь. От жаркого солнца девушку защищала тень ее ужасного спутника.

Когда они вошли в город, многие люди в панике бросились с улиц, стали запираются в домах и закрывать ставни. Другие же, наоборот, шли следом, глаза на девушку в широкополой шляпе и переднике и чудовище, чьи лапы стягивали колючие побеги.

В сопровождении толпы Айяма и монстр поднялись вверх по холму, миновали широкие ворота замка. Завидев Айяму, дворцовые стражники вытянулись в струнку и отдали ей

честь, ибо она шла с гордо поднятой головой. Нет, она не изменилась и оставалась все той же приземистой неуклюжей простолюдинкой, кухонной прислугой, но в то же время была девушкой, которая трижды выжила после встречи со свирепым монстром, а теперь вела его, связанного, по городу. Чудовище громко фыркало и грозно сверкало глазами на всякого, кто осмеливался приблизиться; витые рога таинственно светились алым.

Король не стал дожидаться в тронном зале, а вышел во всем своем великолепии на широкую лестницу вместе с королевой и красавцем-принцем и сверху воззрился на пришедших.

– Зачем ты привела чудовище к моим дверям? – спросил он Айяму. – Я велел принести его сердце.

– Я так и сделала, – ответила девушка своим сильным, чистым голосом, который разнесся над притихшей толпой, словно звуки боевого рога. – Его сердце принадлежит мне, а мое – ему.

– Ты решила полюбить монстра? – удивился король. Толпа приглушенно загудела. – Даже уродина вроде тебя заслуживает большего.

Айяма, привыкшая к оскорблениям, словно и не услышала издевки.

– Лучше любить честного монстра, чем присягнуть на верность лживому правителю. – Девушка вскинула терновый нож и нацелила острие клинка в грудь королю. – Когда войны

приносили тебе поражения, а в долине поднимались беспорядки, ты сам приказывал резать скотину и уничтожать злаки, чтобы люди страшились мнимого чудовища и не видели, что за глупец сидит на троне.

– Твои слова – речи изменницы! – вскричал король.

– Мои слова – истинная правда.

– Этот безобразный монстр не способен говорить за себя сам?

Зверь посмотрел на своего отца и промолвил:

– Такой негодяй, как ты, не заслуживает, чтобы с ним разговаривали. Я доверяю пересказ моей истории Айяме.

– Это существо убило моих солдат и охотников! – заревел король. – И сложило башню из их костей!

– Верно, – подтвердила Айяма, – ведь ты послал их убить твоего родного сына, хотя сам же выпустил его из лабиринта. Ты нарочно дал ему волю, чтобы из-за страха перед чудовищем мы забыли о братьях и сыновьях, что гибнут на твоей войне, и о непомерных поборах, благодаря которым крыша твоего дворца сияет золотом.

– Заткните эту девчонку! Не позволяйте ей распространять гнусную ложь! – крикнул король стражникам.

Те с большой неохотой повиновались приказу, вытащили кинжалы и напали на Айяму. Однако сколько бы ударов ей ни наносили, девушка оставалась целой и невредимой. Когда же она сняла шляпу, все увидели, что она более не человек. Язык Айямы раздвоился; глаза горели опаловым огнем,

а волосы извивались и лизали воздух золотисто-оранжевыми змейками пламени. Девушка превратилась в монстра, и отныне ее не мог поразить ни один клинок. Ножом из тернового шипа она разрубила колючие побеги, которыми были связаны лапы зверя.

Горожане закричали и затопали; некоторые в страхе отвернулись. Айяма же стояла, как скала, упершись ногами в землю. Чистый, мощный голос загремел в вышине, точно раскат грома:

– Говори правду! – повелела королю девушка-монстр.

Бессовестный правитель уже раскрыл рот, готовый высипать очередную порцию лживых слов – огромную, словно стая саранчи, но его опередила королева.

– Да! – воскликнула она. – Это он совершил все злодеяния, он держал моего сына в темном подземелье и никого к нему не пускал; он дал ему свободу, только чтобы сделаться храбрецом в глазах простого народа, а сына вновь выставить чудовищем!

Люди смотрели на заплаканное лицо королевы и верили каждому ее слову. Толпа опять загудела, на этот раз требуя голову короля, и даже старший красавец-принц посмотрел на отца с презрением.

Однако у Айямы было доброе сердце, и она явила народу пример милосердия. Девушка-монстр не позволила причинить королю вред и вместо казни заточила его в лабиринте. И по сей день, если вам доведется проезжать по этой самой

долине мимо этого самого города в особенно тихую ночь, вы можете услышать, как бывший правитель воет, беснуется от ярости и грозит отмщением. Проклятья, что изрыгают его уста, отражаются от стен тюрьмы, выстроенной по его приказу, где он, спотыкаясь, бродит в поисках поворота, который наконец приведет к выходу.

Когда с королем было покончено, зверь попытался простить свою мать за то, что не защитила его ни сразу после рождения, ни в последующие долгие годы. И хотя прощение далось ему нелегко, со временем он сумел это сделать – благодаря Айяме, которая научила его испытывать другие чувства помимо злобы и гнева. С тех пор королева мирно проводила свои дни, заботясь об айвовых деревьях в саду.

После долгих ухаживаний и пересказов многочисленных историй Айяма и зверь поженились. Почетное место на свадьбе отвели старой Ма Зиль, которая трижды отправляла внучку в волшебный лес. В молодости Ма Зиль и сама не блистала красотой и твердо знала, что для волнующих приключений требуется лишь храбрость. Что же до Кимы, то она вышла замуж за красавца-принца, старшего королевича, и, поскольку оба они не питали интереса к политике, трон вместе со всей государственной морокой перешел к Айяме и ее мужу. Вот так и вышло, что в западной долине стали править король и королева – монстры, коих народ обожал, а враги страшились.

Теперь в долине придают меньше значения внешней кра-

соте. Будущие матери поглаживают округлившиеся животы и возносят молитвы о будущем. Женщины молятся о летних дождях, о том, чтобы их дети росли храбрыми, умными и сильными, чтобы предпочитали правду выгоде. В молитвах они просят небо послать им красноглазых сыновей и рогатых дочерей.

Лис-умник

ПЕРВОЙ ОПАСНОСТЬЮ, КОТОРОЙ ИЗБЕГНУЛ лисенок, были материнские челюсти.

Оправившись от тягот произведения на свет потомства, мать-лисица оглядела свой выводок и вздохнула. Прокормить такую ораву будет трудно, да, по правде говоря, она и сама изрядно проголодалась после родов. Лисица выхватила из помета двух самых мелких детенышей и быстренько ими закусил. Уже потом она обнаружила среди других щенят крохотный, извивающийся комочек с пятнистой шерсткой и желтыми глазами.

– Надо было съесть тебя первым, – сказала лисица. – В этой жизни ты обречен страдать.

К удивлению мамыши, комочек возразил:

– Не ешь меня, матушка. Лучше перетерпеть голод сейчас, чем потом жалеть о содеянном.

– Нет уж, лучше от тебя избавиться, чтобы ты не мозолил глаза. Что скажут другие, когда увидят эдакого уродца?

Другому, менее сообразительному малышу эти жестокие слова разбились бы сердце, но наш лисенок обратил внимание на ухоженную шерсть и белоснежные лапки матери.

– А вот что, – отозвался он. – Когда мы выйдем в лес, звери скажут: «Поглядите, ну и безобразный же щенок у этой красавицы!» И даже когда ты состаришься и поседеешь, ни-

кто этого не заметит; все только и будут удивляться, что у такой красивой матери родился такой паршивый заморыш.

Поразмыслив, лисица решила, что не слишком голодна.

Уверенная, что заморыш не протянет и года, она не потрудилась дать ему имя. Однако, когда лисенок пережил сперва одну зиму, а потом и вторую, выяснилось, что его нужно как-то называть. В насмешку над неказистым видом малыш получил имя Койя – «красавчик», а вскоре заработал репутацию умника.

Едва Койя подрос, как случилась беда: стая охотничьих собак загнала лисенка в западню из веток неподалеку от норы. Съежившись на сырой земле и слушая свирепый лай гончих, другой бы на его месте поддался страху, начал бы в панике кружить и дожидаться, когда к западне подойдет человек. Вместо этого Койя крикнул:

– Я – лис-чародей!

Самый большой пес со смехом пролаял:

– Может, мы и спим у хозяйского очага и питаемся объедками с человеческого стола, но все же не настолько глупы! Надеешься, мы поверим твоей болтовне и оставим в живых?

– Нет, – пискнул Койя самым робким и покорным голоском. – Ясное дело, вы одержали верх. Но перед смертью я могу исполнить любое желание, только произнесите его вслух.

– Богатство! – гавкнул первый пес.

– Здоровье! – гавкнул второй.

– Много мяса! – прорычал третий.

– Моей силы хватит только на одно желание, – сказал заморыш, – так что выбирайте поскорее, пока не пришел ваш хозяин, иначе мне придется выполнить то, чего захочет он.

Собаки принялись яростно спорить, и пока они, рыча и брызжа слюной, кидались друг на друга, Койя потихоньку улизнул.

Всю ночь под безопасной сенью леса звери пировали, пре-вознося смекалистый ум лисенка. Издалека ветер доносил тоскливый вой голодных и обиженных собак, которых хозяин в наказание не пустил в дом.

Несмотря на острый ум Койи, удача сопутствовала ему не всегда. Однажды, возвращаясь домой с зажатой в зубах аппетитной курочкой, украденной на ферме Туполева, Койя уго-дил в капкан. Когда железные челюсти с лязгом захлопну-лись, другой на его месте принялся бы визжать и скулить от страха, невольно привлекая внимание самодовольного фер-мера, либо попытался бы отгрызть себе лапу.

Наш Койя, однако, лежал себе и дышал, покуда не услы-хал, как через лес шумно пробирается медведь по имени Иван Гостов. Медведь этот, зверь грубый и кровожадный, на лесных празднествах не был желанным гостем. Шерсть у него вечно была грязная и свалявшаяся, и на пиру он впол-не мог сожрать не только угощение, но и хозяев. И все же с хищником можно договориться – в отличие от железного капкана.

– Братец, будь добренький, вызволи меня! – попросил

Койя.

Завидев истекающего кровью лиса, Иван Гостов грубо расхохотался.

– Охотно вызволю, – проревел он. – Сейчас освобожу тебя из капкана, а вечером поужинаю свеженькой лисятиной.

Медведь вырвал из земли капканную цепь и перекинул молодого лиса через плечо. Болтаясь на медвежьей спине, с железным капканом на раненой ноге, любой другой на месте Койи просто зажмурил бы глаза и молил об одной лишь быстрой смерти, но, пока наш герой мог говорить, у него оставалась надежда.

Он шепнул блохам, которыми кишела грязная шкура Ивана Гостова:

– Если искушаете медведя, я позволю вам жить на мне целый год. Можете сколько угодно пить мою кровь, а я обещаю не мыться, не чесаться и не мазаться керосином. Клянусь, у вас будет привольное житье!

Блохи посовещались между собой. Иван Гостов был отвратительным хозяином, а кроме того, постоянно окунался в воду и катался по земле, чтобы избавиться от нахальных жильцов.

– Хорошо, мы тебе поможем, – наконец хором ответили блохи.

Лис подал знак, и крохотные насекомые принялись кусать бедного медведя точно между лопатками, куда не дотягивались его длинные когти.

Медведь вертелся волчком, яростно скреб шкуру и истошно ревел. Потом он отшвырнул цепь, к которой крепился капкан, рухнул на землю и принялся извиваться, как безумный.

– Ко мне, мои маленькие друзья, – крикнул Койя.

Блохи перескочили на лисью шубку, и Койя, несмотря на боль в перебитой лапе, помчался к своей норе, волоча за собой окровавленную цепь.

Тяжкий год провел лис, но слово свое сдержал. Хотя зуд от укусов сводил с ума, лис не чесался и даже бинтовал себе лапы, чтобы справиться с искушением. Из-за страшной во-ни звери избегали подходить к Койе, однако он мужественно терпел и не мылся. Как только у него возникала мысль побегать к реке, лис заставлял себя посмотреть на цепь, что лежала в углу норы. Рыжий Барсук помог ему снять капкан, но Койя сохранил цепь как напоминание, что своей свободой он обязан блохам и собственной смекалке.

Навещала его только соловьяха Лула. Сидя на ветке березы, Лула насмешливо щебетала:

– Не такой уж ты умник, а, Койя? Все от тебя отвернулись, и шерсть твоя сбилась колтунами. Ты стал еще безобразней, чем прежде!

– Это не беда, – невозмутимо отвечал Койя. – Без красоты прожить можно; единственная помеха для жизни – смерть.

Когда же обещанный годовой срок подошел к концу, Койя пробрался в ту часть леса, что граничила с фермой Туполе-

ва. Двигался он осторожно, старательно избегая капканов, что могли скрываться в зарослях. Лис затаился на птичьем дворе, и, когда один из слуг открыл кухонную дверь, чтобы вылить помои, Койя прошмыгнул в дом Туполева. Зубами стащил с кровати фермера покрывало и выпустил на постель всех своих блох.

– Желаю отлично повеселиться, братцы, – сказал он. – Уж не обессудьте, к себе вас больше не приглашаю.

Блохи попрощались с лисом и заползли под простыни, предвкушая, как славно попируют кровью фермера и его жены.

На обратном пути Койя прихватил из кладовой бутылку кваса, украл из курятника цыпленка и оставил гостинцы перед входом в берлогу Ивана Гостова. Медведь подозрительно обнюхал подношения.

– А ну, покажись! – заревел он. – Опять вздумал меня одурачить, хитрый лис?

– Ты – мой спаситель, медведушка. Если хочешь, можешь мной закусить. Правда, мясо у меня сухое, жилистое, разве что язык мягкий и вкусный. Ужин из меня выйдет так себе, зато компания отличная.

Медвежий хохот сотряс всю округу, так что соловыха Лула даже с ветки свалилась. Иван Гостов и Койя уплели цыпленка, запили его квасом и всю ночь рассказывали друг другу истории. С той поры они сделались друзьями, и все знали, что обидеть лиса – значит навлечь на себя гнев медведя.

С наступлением зимы медведь пропал. Лесные обитатели заметили, что их число отчего-то сокращается. Меньше стало оленей, птицы и мелкого зверя – зайцев, белок, мышей. Такое бывало и прежде, трудные времена то наступали, то отступали, и все же Иван Гостов – это вам не пугливая косуля или мышь-полевка. Койя не на шутку встревожился, когда сообразил, что уже несколько недель не видел своего приятеля и не слышал его рева.

– Лула, – сказал он соловыхе, – слетай-ка ты в город и постарайся что-нибудь разузнать.

– Попроси меня как полагается, лис, да повежливей, – вздернула клювик соловыха, – не то брошу тебя и улечу в теплые края.

Койя с учтивым поклоном принялся хвалить гладкое оперение Лулы, ее хрустальный голосок, чистоту в гнездышке и так далее, и тому подобное, пока птичка резкой трелью не оборвала эту череду комплиментов.

– В следующий раз достаточно будет сказать «пожалуйста». Если ты закончил, я, пожалуй, полечу.

Лула взмахнула крыльями и растаяла в небесной синеве, а когда час спустя вернулась, в ее темных глазках-бусинках застыл страх. Соловыха так тряслась, что даже не сразу смогла уцепиться лапками за ветку.

– Смерть идет, – пропищала она наконец. – В Полвост явился Лев Юрек.

Звери онемели от ужаса. Лев Юрек был не простым охот-

ником. Ходили слухи, что он не оставляет следов, а его ружье стреляет без звука. Этот человек путешествовал по всей Равке, от деревни к деревне, и оставлял за собой мертвый лес, поголовно истребляя живность.

– Он только что пришел из Балакирева, – звонкий голос соловыхи дрожал. – Завалил городские лавки олениной и мехами. Воробьи говорят, он перебил всех зверей в лесу.

– Ты его видела? – спросил Рыжий Барсук.

Лула кивнула.

– Высокий такой, широкоплечий и красив, точно принц.

– А девушка?

Все знали, что Юрек путешествует вместе со сводной сестрой Софией. Непроданные шкуры она по его приказу пришивала к жуткой накидке, которая длинным шлейфом волочилась за ней по земле.

– Софию я тоже видела, и ее страшную накидку. Койя... воротник этой накидки украшен семью лисьими хвостами, белыми как снег.

Койя нахмурился. Недалеко от Балакирева жила его сестра, у которой было семеро лисят, и все с белыми хвостами.

– Я все выясню, – сказал лис, и звери чуточку повеселели, ведь умнее его не было во всем лесу.

На закате Койя усадил Лулу на спину и прокрался в Полвост. Скрываясь в тени, узкими переулками они добрались до центра города. Юрек и его сестра снимали большой дом рядом с трактирами, что тянулись вдоль Баршайского про-

спекта. Встав на задние лапы, Койя прижался носом к оконному стеклу.

Лев Юрек в компании друзей сидел за столом, уставленным богатыми яствами – там была и томленная в вине капуста, и телятина, фаршированная перепелиными яйцами, и истекающие жиром колбасы, и маринованный шалфей. Ярко светили масляные лампы – все до одной в зале. Охотник и вправду не считал денег.

Юрек оказался крупным мужчиной, моложе, чем представлял Койя, но действительно очень красивым, как и говорила Лула. На нем была тонкая льняная рубаша и отороченный мехом кафтан, из кармана которого выглядывала толстая цепочка для часов. Взгляд чернильного цвета глаз то и дело обращался в сторону сестры, сидевшей у камина с книгой. Выражения ее лица Койя не разглядел, но профиль у девушки был изящный, а стройные ноги в элегантных туфельках покоились на шкуре громадного черного медведя.

Кровь застыла в жилах Койи от этого зрелища – шкуры поверженного друга, небрежно расстеленной на паркетном полу, натертом до блеска. Мех Ивана Гостова, густой и чистый, блестел как никогда при жизни зверя, и это отчего-то опечалило Койю сильнее всего. Другой на его месте стал бы горевать и спрятался в каком-нибудь укромном местечке, сочтя за лучшее убежать от смерти, нежели обмануть ее. Однако умного лиса терзал вопрос: несмотря на свои грубые замашки, Иван Гостов был почитай что царем леса, встреча

с которым грозила опасностью хоть для человека, хоть для зверя, так каким же неведомым образом Юрек сумел его одолеть?

Три дня и три ночи Койя следил за охотником, но безрезультатно. Каждый вечер Юрек много ел и пил – уходил в один из трактиров и возвращался глубоко за полночь. Ему нравилось бражничать и бахвалиться, и он часто проливал вино себе на одежду. После ночных кутежей охотник долго спал; пробудившись, шел в кожевню или в лес. Юрек ставил капканы, купался в реке, чистил и смазывал ружье, но ни разу на глазах Койи не поймал и не убил ни одного зверя.

На четвертый день, однако, Юрек вышел из кожевни, держа в мускулистых руках что-то большое и тяжелое. Подойдя к деревянной раме, он растянул на ней шкуру огромного серого волка. Имени этого волка лесные звери не знали, а спрашивать не осмеливались. Серый хищник, живший на вершине крутого утеса, держался одиночкой. Поговаривали, что стая изгнала его за какое-то чудовищное преступление. В долину он спускался лишь, когда охотился, скользя меж деревьев безмолвной серой тенью. Тем не менее, Юреку удалось снять с него шкуру!

Вечером охотник позвал в дом музыкантов. Горожане приходили подивиться на волчью шкуру. Юрек велел сестре встать с любимого кресла у камина и завернуться в ужасную накидку из шкур убитых животных. Гости тыкали пальцами в разные части накидки, а Юрек рассказывал, как добыл ту

или иную шкуру: как застрелил белого медведя Иллариона, как поймал двух золотистых рысей, чей мех пошел на рукава. Он даже похвастался, как изловил семерых лисят и сделал из их пушистых белоснежных хвостов роскошный воротник. С каждым словом Юрека его сестра все ниже опускала голову, пока не уткнулась взглядом в пол.

Койя видел, как охотник вышел из дома, отрезал от шкуры волка голову и отдал сестре. Пока гости пили и плясали, София пришивала к своей страшной накидке капюшон. Вот один из музыкантов ударил в барабан, игла в пальцах девушки дернулась и уколола ее. София поморщилась и поднесла палец к губам.

«Подумаешь, лишняя капелька крови», – сказал себе Койя. Он знал, что зловещая накидка и без того насквозь пропитана кровью убитых животных.

– Все дело в Софии, – на другой день сообщил зверям лис. – Юрек использует какую-то хитрость или колдовство, и сестра про то знает.

– Но с какой стати ей открывать нам его секрет? – спросил Рыжий Барсук.

– София боится брата. Они почти не разговаривают, и она старается держаться от него подальше.

– По ночам она запирает дверь своей спальни на засов, – прощепетала соловыха. – Закрывается от родного брата! Что-то тут нечисто.

Брат держал сестру в четырех стенах и лишь раз в несколь-

ко дней отпускал к старой вдове, что жила на другом конце долины. С собой девушка брала большую корзину, а иногда везла салазки, набитые узлами с едой и шкурами. София всегда была в своей жуткой накидке, и, глядя, как она медленно тащится по дороге, Койя сравнивал ее с богомолкой, идущей на покаяние.

Поначалу София шагала бодро и не сходила с тропы, но, выйдя на тихую, засыпанную снегом полянку далеко за пределами города, она вдруг остановилась. Тяжело опустилась на поваленное дерево, уронила лицо в руки и заплакала.

Лису было неловко подглядывать за девушкой, однако он тут же смекнул: вот и возможность поговорить!

Бесшумно вскочив на другой край бревна, Койя спросил:
– Почему ты плачешь, дева?

София испуганно охнула. Глаза у нее покраснели от слез, лицо покрылось пятнами, голову закрывал капюшон отвратительной накидки, и все же, несмотря на это, девушка не утратила красоты. Беспокойно кусая губу ровными зубками, она огляделась по сторонам и шепнула:

– Уходи отсюда, лис. Здесь тебе грозит опасность.

– Опасность сопровождает меня с той самой минуты, как я, скуля, покинул чрево моей матери.

– Ты не понимаешь, – покачала головой София. – Мой брат...

– На что я ему сдался? Мясо у меня жесткое, мех паршивый.

Девушка слабо улыбнулась.

– Шкурка у тебя пятнистая, это верно, но все равно ты очень даже милый.

– Вот как? Пожалуй, я отправлюсь в Ос Альту и закажу собственный портрет.

– Что может знать о столице лесной зверь?

– Я там бывал, – сказал Койя, почуяв, что может развлечь собеседницу байкой. – По личному приглашению королевы. Она повязала мне на шею синий бант, и каждую ночь я спал на бархатных подушках.

Слезы на глазах девушки высохли, она рассмеялась.

– В самом деле?

– Все придворные старались мне подражать. Красили волосы в рыжий цвет и вырезали дырки в кафтанах, чтобы было похоже на мои пятнышки.

– Ясно, – кивнула София. – Так отчего же ты променял роскошь Большого Дворца на этот мерзлый лес?

– У меня появились враги.

– Королевский пудель приревновал к хозяйке?

– Король счел, что у меня слишком большие уши.

– Да, большие уши – опасная штука, – согласилась София. – Можно услышать что-нибудь, для них не предназначенное.

Теперь пришел черед лиса расхохотаться. Оказывается, вдали от брата-тирана эта девушка способна проявить остроумие!

Улыбка Софии померкла. Она вскочила с бревна, подхватила корзину и поспешно вернулась на тропинку, но, прежде чем уйти, промолвила:

– Спасибо, что рассмешил меня, лис. Надеюсь, мы больше не встретимся на этом месте.

Вечером, когда Койя поделился своим рассказом с лесными зверями, Лула в отчаянии всплеснула крылышками:

– Ничего-то ты не разузнал! Только заигрывал с девчонкой, и все.

– Это лишь начало, птичка. Не нужно торопиться, – сказал Койя и щелкнул зубами над головой соловьи.

Лула заверещала от ужаса и под смех Рыжего Барсука взлетела на самую высокую ветку.

– Видишь? – ухмыльнулся Койя. – Опасайся тихонь.

В другой раз, когда София отправилась к вдове, лис вновь последовал за ней. Девушка опять села на бревно посреди полянки и горько заплакала.

– Скажи мне, София, отчего ты плачешь? – спросил Койя, вспрыгнув на другой конец бревна.

– Ты снова здесь, лис? Разве не знаешь, что мой брат ходит поблизости? Берегись, он тебя поймает!

– На что твоему брату сдался желтоглазый мешок с костями, полный блох?

София грустно улыбнулась.

– Да, желтый – плохой цвет, – признала она. – Ты, наверное, много всего видишь такими большими глазами.

– Расскажи, что тебя печалит, дева, – попросил Койя.

Вместо ответа София достала из корзины головку сыра.

– Хочешь? – предложила она.

Койя облизнулся. Он все утро караулил Софию и потому не успел позавтракать. Однако умный лис знал, что нельзя брать пищу из человеческих рук, даже таких изящных и нежных. Видя, что зверь не проявляет интереса к угощению, девушка пожала плечами и сама откусила кусок сыра.

– А как же голодные вдовы? – полюбопытствовал Койя.

– Да пусть хоть околеют, – с досадой бросила София и вновь вонзила зубы в сырную голову.

– Почему ты от него не уйдешь? – задал следующий вопрос лис. – Ты не уродина и легко могла бы найти себе мужа.

– Не уродина? А с желтыми глазами и огромными ушами, значит, была бы просто красавицей?

– По крайней мере, от поклонников отбоя точно не было бы.

Койя рассчитывал снова позабавить девушку, однако София лишь вздохнула. Ветер подхватил ее скорбный вздох и вознес в свинцово-серое небо.

– Мы переезжаем из одного города в другой, – сказала она. – В Балакиреве ко мне почти посватался парень, но брат не позволил нам встречаться. Я еще надеюсь, что он женится или выдаст меня замуж, но надежда эта тает с каждым днем. – Глаза Софии наполнились слезами.

– Ну, будет плакать, – сказал лис. – Я всю жизнь только

и делал, что выбирался из ловушек, так неужели же не придумаю, как тебя вызволить?

– Если тебе удалось выбраться из одной западни, это не значит, что ты не попадешь в другую, – возразила София.

Тогда Койя похвастался, как перехитрил собственную мать, собак и даже Ивана Гостова.

– Ты – большой умник, – похвалила девушка.

– Не просто большой, – сказал Койя, – а самый большой умник на свете. И это все решает. А теперь расскажи мне о своем брате.

София посмотрела на солнце в небе. Время перевалило за полдень.

– Завтра, – пообещала она. – Когда вернусь.

Девушка оставила сыр на бревне и ушла. После этого лис недоверчиво обнюхал угощение. Огляделся по сторонам и... одним махом проглотил всю головку, даже не вспомнив про бедных голодных вдов.

Койя понимал, что должен вести себя как можно осторожнее, если намерен разговорить сестру охотника. Он не понаслышке знал, что такое оказаться в капкане. София провела в неволе много лет; более слабое создание на ее месте предпочло бы и дальше жить в страхе, нежели воспользоваться шансом на свободу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.